

ISTORIJOS ŠALTINIŲ TYRIMAI

7

LIETUVOS ISTORIJOS INSTITUTAS

VILNIAUS UNIVERSITETAS

ISTORIJOS ŠALTINIŲ TYRIMAI

Sudarė
Artūras Dubonis

7

Lietuvos istorijos institutas
Vilnius, 2021

Knygos leidybą finansavo
LIETUVOS MOKSLO TARYBA PAGAL VALSTYBINĘ LITUANISTINIŲ TYRIMŲ
IR SKLAIDOS 2016–2024 METŲ PROGRAMĄ
Projekto finansavimo sutartis Nr. S-LIP-21-26

Redaktorių kolegija:

Darius Antanavičius
(*Lietuvos istorijos institutas*)

Darius Baronas
(*Lietuvos istorijos institutas*)

Zenonas Butkus
(*Vilniaus universitetas*)

Artūras Dubonis (pirmininkas)
(*Lietuvos istorijos institutas*)

Mathias Niendorf
(*Greifswaldo universitetas*)

Rimvydas Petrauskas
(*Vilniaus universitetas*)

Irena Valikonytė
(*Vilniaus universitetas*)

Visi leidinio straipsniai recenzuoti dviejų mokslininkų.

Leidinio bibliografinė informacija pateikiama Lietuvos nacionalinės Martyno Mažvydo bibliotekos Nacionalinės bibliografijos duomenų banke (NBDB).

ISSN 2029-0705

© Lietuvos istorijos institutas, 2021

© Straipsnių autoriai, 2021

TURINYS

<i>Artūras Dubonis</i>	
Pratarmė	7

Straipsniai

<i>Сергей Полехов</i>	
Как короновать великого князя? Из истории „коронационной бури“ (1429–1430) и инсигний, предназначавшихся для Витовта	9
How is a Grand Duke Crowned as King? From the History of the “Coronation Storm” (1429–1430) and the Insignia Intended for Vytautas. <i>Summary</i>	74

<i>Laimontas Karalius</i>	
„Popierinė“ valstybė: XVI a. pirmosios pusės Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės valdžios mikrofizika (vieno atvejo tyrimas)	75
The “Paper” State: Microphysics of the Government in the Grand Duchy of Lithuania in the First Half of the 16th Century (Case Study). <i>Summary</i>	111

<i>Darius Antanavičius</i>	
Nežinomas 1641 m. Lietuvos Metrikos knygų sąrašas	113
The Unknown 1641 List of Books of the Lithuanian Metrica. <i>Summary</i>	154

<i>Jonas Drungilas</i>	
Bilevičių genealoginė kronika (XV–XVII a. pirmoji pusė)	157
Bilevičius Genealogical Chronicle (15th–First Half of the 17th Centuries). <i>Summary</i>	205

<i>Tamara Bairašauskaitė</i>	
Privati korespondencija kaip bajorų šeimos istorijos šaltinis: Bialozorų, Končų ir Römerių atvejis (XIX a. 3–9 dešimt.)	207
Private Correspondence as a Source on the History of a Noble Family: The Case of the Białozor, Koncza and Römer Families (1820s–1880s). <i>Summary</i>	234

Lietuvos Metrikos tyrimų ir leidybos projektas Rusijoje

Андрей Бондаренко, Олег Хоруженко

Об издании метрики королевы Боны в Институте российской истории Российской академии наук	237
On the Publication of Queen Bona Sforza's <i>Metrica</i> by the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. <i>Summary</i>	252

Publikacija

Regina Laukaitytė

Kanauninko Povilo Dogelio dienoraščio fragmentas: 1946 m. rugsėjo 10–1947 m. balandžio 18 d.	253
---	-----

Recenzijos

<i>„Для лепшое твердості...“: пергаментныя дакументы перыяду Вялікага Княства Літоўскага з фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (1391–1566 гг.), уклад. Я. С. Глінскі, А. А. Жлутка, Д. В. Лісейчыкаў, Мінск: Беларусь, 2018. – 143 с.; [3] іл. (Александр Груша) .....</i>	309
<i>Стратегії та ритуали конфлікту: шляхетський соціум Волині зламу XVI і XVII ст. Джерела та інтерпретації, упорядник Н. П. Старченко; відп. ред. Г. В. Боряк, Київ: Інститут історії України НАНУ, 2020. – 615 с. (Светлана Блащук, Дмитрій Ващук) .....</i>	319
Santrumpos	323
Apie autorius	325
Autoriams	327
Guide for Authors	331

RECENZIJOS

„Для лепшое твердості...“: пергаментныя дакументы перыяду Вялікага Княства Літоўскага з фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (1391–1566 гг.), уклад. Я. С. Глінскі, А. А. Жлутка, Д. В. Лісейчыкаў, Мінск: Беларусь, 2018. – 143 с.; [3] іл.

Рассматриваемый сборник представляет собой археографическую публикацию пергаментных документов периода Великого Княжества Литовского [далее – ВКЛ] с 1391 г. по 1566 г., отложившихся в Национальном историческом архиве Беларуси [далее – НИАБ].

Он подготовлен к печати в НИАБ Евгением Глинским, Александром Жлуткой и Денисом Лисейчиковым. В предисловии сказано, что все они работали над „составлением сборника“. Очевидно, что роль названных составителей не сознательно преуменьшена, и им принадлежит работа не только в деле составления, т. е. отбора (и поиска) документов, но также и в подготовке их к археографической публикации, другими словами – в выборе принципов, методов и приёмов издания, а также в их воплощении (составить сборник и подготовить его к печати – не одно и то же). Большой вклад в создание данного сборника внёс и Глеб Берестовой, который произвёл „вычитку“ (как следует понимать – окончательную проверку) текстов всех кириллических документов, а также написал часть комментариев и предисловия. Некоторые виды работы – первичную обработку отдельных документов, составление комментариев и указателей – выполнили ещё четыре человека: Дарья Безматерных, Николай Волков, Павел Демьян и Ольга Шилай.

Сборник включает 29 документов на „русском“ (в издании он указан как старобелорусский и староукраинский язык) и латинском языках (26 на „русском“ и 3 на латыни). По степени аутентичности всё это оригинальные документы. Из них 2 фальшивых и 1 имеет сомнительное происхождение. Большинство из опубликованных документов сохранилось во вполне удовлетворительном

состоянии. Два из них дошли до нас с довольно значительными обрывами и разрывами пергамента, соответственно с утратами текста. Основной текст ещё двух документов также серьёзно повреждён. В случае с этими документами публикаторам пришлось применить разные методы восстановления текста, сделано это, разумеется, там, где это было возможно.

Сборник состоит из следующих структурных частей (без учёта его содержания, списка сокращений и условных обозначений, а также карты мест выхода документов): предисловия, публикации документов, иллюстраций, именного и географического указателей, списка использованных источников и литературы.

Сердцевиной издания служит публикация документов. Структура публикации каждого отдельного документа такова: заголовок; легенда, включающая сведения о месте хранения и шифре документа, степени его аутентичности, размере, письме, языке, печатях и её конструктивных элементах, пометках и надписях, списках, переводах, (предыдущих) публикациях и упоминаниях документа в научной литературе; текст документа; примечания к тексту, его пометкам и другим компонентам документа.

О кириллическом письме сообщается лишь то, к какому графическому виду оно относится (полуустав; полуустав, переходящий в скоропись; скоропись, близкая к полууставу; скоропись; о письме латинских документов говорится в предисловии (с. 8)).

Если печати не сохранились, то приводится информация об их типе и сохранившихся конструктивных элементах (шнур, его цвет; отверстия для его крепления к носителю текста, их форма).

Пометки нумеруются, локализуются на материальном носителе документа, цитируются и датируются, а также, что важно, классифицируются в зависимости от происхождения (эта классификация дана в предисловии (с. 8–9)).

При воспроизведении кириллического текста видно стремление использовать все вышедшие из употребления буквы. Станным образом публикаторы не нашли иного способа как букву „а йотированное“ воспроизводить через „юс малый йотированный“. В одном случае „ижица“ была спутана с буквой „ук“ (если судить по иллюстрации, в № 4 (с. 30) имя архиепископа и митрополита Киевского следует передать как „Сѹмиѿн“, а не „Сумиѿн“; тут путаница возникла из-за того, что графический вариант „ижицы“ в этом документе имеет большой нижний выносной элемент).

Обратим внимание на способы передачи приёмов кириллического письма. Выносные буквы выделены курсивом. Сокращения, выполненные при помо-

щи контракции и суспенсии, раскрываются, а привнесенные в строку буквы заключаются в круглые скобки. Несмотря на то что использование подобных археографических приёмов стало в последнее время правилом, необходимость их применения может вызвать сомнение. Предвосхищая это сомнение, отметим, что целесообразность их фиксации полностью оправдана. Они маркируют одни из важных технических и символических составляющих кириллического письма, которые, увы, пока не изучены, хотя и требуют тщательного изучения.

Примечания к основному тексту, а также к пометкам доводят до нас сведения о фактах, касающихся работы над созданием данных текстов (размеры или отсутствие инициальных букв, исправления), о состоянии сохранности их отдельных участков (повреждения и утраты), о результатах и способах восстановления утраченного текста, об использовании документа (подчёркивания, разные пометки к основному тексту). В примечаниях сигнализируется о необычных чтениях; указываются тексты, не прочтённые публикаторами в силу тех или иных причин.

Публикаторы посчитали нужным привести разночтения, имеющиеся в списках ряда документов, например № 19, 21, 25–29. Мы бы не сказали, что при наличии оригинала информация об этих разночтениях является избыточной. Ведь она отражает практики работы с документами их прежних обладателей. Правда, публикаторы хранят молчание относительно того, производили ли они сравнение оригиналов и списков на предмет разночтений по отношению ко всем документам или только к отдельным из них. Не объясняется также, по какой причине приведены разночтения лишь отдельных списков (в том случае, если известно, что их больше одного), например № 19, 21, 26, 27, 29.

Публикаторы внимательны к организации текста документа и отмечают конец строки.

В данном сборнике шрифтовой наборный способ издания документов дублируется факсимильным. Посредством иллюстраций представлены изображения всех документов (их лицевой и оборотной сторон). Это значительно повышает информативность публикации. Указанные иллюстрации являются средством передачи тех значимых сведений о документе, которые не всегда возможно или удобно воспроизвести иным способом. Кроме того, они выполняют функцию инструмента контроля за полнотой и точностью описания и точностью набора текста.

Выборочная проверка текстов показала, что они воспроизведены максимально внимательно. Нельзя не отметить обоснованность и последовательность публикаторов в делении текста на предложения и абзацы и в расстановке знаков препинания.

Оценивая же достаточность и полноту представления исторических документов, приходится констатировать, что мы имеем дело с наиболее полным их представлением в отечественной археографии. Это делает рассматриваемый сборник исключительным среди других подобных изданий, вышедших в Беларуси за всю её историю, независимо от того, какое время – Средневековье, Новое или Новейшее время, представляют публикуемые источники.

Тут мы вынуждены сделать отступление. Несмотря на очевидное преимущество такого способа публикации памятников письменности, он имеет критиков. В дискуссиях, касающихся принципов археографической публикации, на пространстве Восточной Европы сформировались два противоположных мнения.

Согласно одному мнению, которое разделяет и автор этих строк, публикация исторического документа должна достаточно и полно с источниковедческой точки зрения отражать всю совокупность его компонентов: не только текст, но и носитель и письмо этого текста, удостоверительные знаки документа и пометки, возникшие в результате его использования, хранения и бытования и т. д. Ведь представление данной совокупности призвано не только подтвердить результаты идентификации документа как исторического источника (в частности, доказать, что данный документ и есть тот самый, за который он себя выдаёт, а не является, скажем, фальсификатом того или иного времени), но и дать в распоряжение исследователям дополнительный материал в области палеографии, сфрагистики, других исторических наук, а также суждений о разных вопросах истории документа¹.

Сторонники другого мнения пытаются убедить, что подробная характеристика названных компонентов значительно замедляет темпы работы по изданию исторических источников, нанося тем самым ущерб делу их введения в научный оборот; все подобные подробности и мудрствования избыточны, они „обременяют издание“, усложняют работу с ним и т. д.

У нас имеются веские основания полагать, что каждое из этих мнений выражено искренне, т. е. за ними не стоят какие-то уловки ненаучного характера, хотя некоторые сторонники второго мнения иногда и удивляют опрометчивостью, противоречивостью, а иногда и нелепостью своих утверждений².

¹ A. Hruša, „Po co są potrzebne „skomplikowane“ publikacje źródeł historycznych?“, *Edytorstwo źródeł – ograniczenia i perspektywy*, pod red. A. Perłakowskiego, Kraków, 2015, s. 19–24.

² Ю. Мікульскі, [рец. на] *Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст. (з актавых кніг Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі, склад. А. Ф. Аляксандрава і інш., Мінск: Беларуская энцыклапедыя ім. П. Броўкі, 2012. – 736 с.: іл., Беларуская даўніна. Гістарычны альманах, пад агульнай рэд. Ю. Мікульскага, Мінск, 2015, с. 314–316, заўвагі.*

Воздерживаясь в данном случае от полемики и прямой оценки данных подходов, всё же отметим следующее. Независимо от того, видят или не видят публикаторы свою роль в приумножении знаний в области „вспомогательных“ исторических наук, нельзя не заметить признаки того, что „упрощённые“ способы подготовки документов к публикации скоро уйдут в прошлое. И произойдёт это под влиянием всё возрастающего интереса к внетекстовой информации документа, проливающей свет на вопросы, в частности, о формах письменной коммуникации (как внешне отличались исторически известные „открытые“ и „зашитые“ листы, каковы были функции этих листов? и т. д.), о профессионализации занятий творцов документов (которая проявилась, к примеру, в использовании ими принятых правил и стандартов, а также новаций), об их умениях и мастерстве; о репрезентативной и идеологической нагрузке документов (они были призваны воздействовать на эмоции получателя); о документе как предмете обихода (документ участвовал в формировании уклада повседневной жизни).

Эти вопросы давно и плодотворно изучаются в западной науке. Но постепенно и неуклонно интерес к ним появляется и усиливается в кругу исследователей, занимающихся изучением документального наследия ВКЛ. И такие, кажется, на первый взгляд пустяковые, ненужные и излишние мелочи, как например „квадраты“, образованные линиями сгибов документов, становятся не только материалом, позволяющим произвести реконструкцию внешней формы письменной корреспонденции³, но и источником сведений о разных архивных практиках⁴.

Составители и публикаторы сборника *„Для лепшого твердості...“* прочувствовали и избрали перспективный путь издания документов, не подразумевающий в наше время, как мы считаем, каких-либо альтернатив.

Возвращаясь к основной канве нашего изложения, отметим и вот что. Каждый из публикуемых документов сборника обеспечен комментариями к

³ А. И. Груша, „Зачем документы „зашивали“? Об одной внешней форме документов в Великом Княжестве Литовском в конце XIV – первой половине XVI в.“, *Гістарычна-археалагічны зборнік*, т. 32, Мінск, 2018, с. 164–175.

⁴ „В тогдашних архивах документы хранились в сложенном виде; получившийся „конверт“ предохранял не только текст, оказывавшийся внутри его, но и печати, привешенные на пергаменных полосках или витых шнурках из шёлковых нитей: такой способ хранения позволял вложить печати документа внутрь „конверта“ и тем самым сохранить и сами печати, и их связь с документом, который они удостоверяли“, см. С. В. Полехов, „Древнерусские пометки на латинских документах в Великом Княжестве Литовском и Польском королевстве второй половины XIV в.“, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, № 2, 2021, с. 28.

его содержанию. Подобные комментарии в археографических изданиях не являются обязательными. Тем не менее они важны с точки зрения идентификации тех реалий, которые отражены в публикуемых документах и формируют контекст его истории. Ценность данной идентификации состоит в том, что она генерирует у пользователей-профессионалов позитивное ощущение того, что публикаторы-археографы являются не просто механическими копиистами текстов, а исследователями, участвующими в процессе научного познания, всецело отдающими себе отчёт в том, что именно они публикуют. Не стоит при этом забывать, что указанные публикаторы создают те авторитет издания и доверие к себе как к специалистам, которые будут напрямую сказываться на введении сведений об этих и из этих источников в научный оборот.

В данном сборнике указанные комментарии образуют три главных блока информации: о причинах и условиях появления публикуемого документа в том архивном комплексе, в котором он дошёл до нас; о лицах, а также о земельных владениях и населённых пунктах, упоминаемых в документах. В сборнике представлены сведения по истории и результаты идентификации и локализации указанных пунктов. Достоинство многих комментариев заключается в том, что они основываются, в том числе, на широком массиве архивных источников. Ряд этих комментариев (также, кстати, как и предисловие в части, посвящённой документальной среде, из которой происходят публикуемые документы (с. 9–20)) представляет собой отдельные небольшие научные исследования. Самостоятельный блок информации формируют факты, позволяющие идентифицировать фальшивые документы (с. 33–36, 52–53).

Как и всякая другая работа, сборник *„Для лучшего твердости...“* не лишён моментов, требующих исправления, уточнения и обсуждения.

Знакомство с названием издания сразу порождает вопрос. Почему для публикации отобраны только пергаменные акты? При обосновании этого отбора составители апеллировали к несколько невнятным объяснениям (с. 5–6). Но современный уровень знаний о пергаменных документах, об отличии статуса этих и бумажных документов, о связи разновидности документа с материалом для письма в ВКЛ⁵ мог бы дать составителям рациональные аргументы в пользу данного отбора.

Фальшивые документы, бесспорно, представляют историческую ценность, но главным образом с точки зрения того времени, когда они были созданы. Их,

⁵ А. И. Груша, *Документальная письменность Великого Княжества Литовского (конец XIV – первая треть XVI в.)*, Минск, 2015, с. 128–142.

как мы полагаем, целесообразно помещать отдельной группой, причём не по ложной, а по реальной хронологии.

Структура публикации не совсем сбалансирована. В легенде не нашлось места для информации о состоянии сохранности документа (общая характеристика сохранности для всей серии публикуемых документов приводится в предисловии (с. 8)). Публикаторы не указывают в легенде вид повреждения; не всегда об этом можно узнать и из примечаний к тексту. И даже иллюстрации не дают ответа на вопрос, из-за чего повреждён, например, № 24.

Быть может, было бы не лишним указать „квадраты“, образованные линиями сгиба документов. Они бы помогли не только в реконструкции древнего способа хранения документов, но и в техническом плане – для более точного указания места размещения пометок. С точки зрения указанной реконструкции важны сведения о том, в каком положении находится та или иная пометка, в каком направлении она выполнена (находится ли она в перевёрнутом на 180° виде, выполнена ли она сверху вниз или снизу вверх и т. д.). Впрочем, согласимся, что присутствие изображений каждого из публикуемых документов решает вопросы, связанные с этими „квадратами“ и пометками. Как мы видим, отбор и сочетание приёмов публикации исторических источников может допускать вариативность; главное, чтобы решалась кардинальная задача публикации – создание копии документа, столь же пригодной для исследования, что и оригинал, хранящийся в архиве.

О письме сообщается кратко. Правда, в предисловии публикаторы попытались дать общую характеристику кириллического письма. Но сделали они это так, как будто о данном письме им совершенно нечего сказать (они сослались на то, что признаки письма являются типичными для периодов, когда создавались документы (с. 8)). А на самом деле, сказать есть о чём. Например, письмо № 10 является образцом российской скорописи. На основе этого письма можно высказать предположение, что на службе у юридического автора документа – князя Фёдора Ивановича Ярославича, находились выходцы с востока. Документ № 4, если судить по ряду признаков, в частности, по отдельным лигатурам (они в издании вообще не фиксируются), принадлежит человеку, который занимался перепиской не только документов, но и книг. И это далеко не всё, о чём нам может дать знать письмо.

При наличии иллюстраций этот раздел легенды можно было бы и проигнорировать. Очевидно, так и размышляли публикаторы. Но это можно сделать лишь в том случае, если бы изображения способны были передать особенности

письма. Но не все они обладают таким качеством. Об особенностях письма нельзя или трудно судить по иллюстрациям, например № 11, 15, 21, 2–29. Всё это документы большого размера (которые не укладываются в размер страницы печатного издания), в ряде случаев с повреждённым текстом. По нашему мнению, пригодной для изображения письма можно назвать лишь ту иллюстрацию (или серию иллюстраций), которая кроме всего прочего способна чётко передавать такие элементы письма, как надстрочные знаки.

Не упоминается об утраченных печатях № 7, 15, 20, 21, 23, 27–29. Кажется, публикаторы исходят из мысли, что эти документы не сохранили следов, которые бы могли помочь в восстановлении хоть какой-либо информации о печатях. Но это не так. Судя по изображениям, такие следы, а именно: линии от нижнего загиба пергамента, который использовался для крепления шнура, или отсутствие этой линии, остатки отверстий для шнура, сохранились. А ведь эту информацию можно было бы и донести до исследователей. По ней можно было бы восстановить и тип печатей. Однако уверенно определить наличие или отсутствие данных следов можно только в результате работы с документом *de visu*. Самостоятельно же, пользуясь лишь изображением, исследователь сделать это не в состоянии. Поэтому публикаторы должны были уведомить о результатах указанной работы вербальным способом, не полагаясь при этом на иллюстрации.

Непонятно также, почему были пропущены описания сохранившихся конструктивных элементов и следов печатей № 12, 13, 24 и 26, при том что в других случаях они присутствуют.

Мы несколько раз затронули вопрос о такой части публикации, как иллюстрации. Данный вопрос, как оказывается, не столь однозначен и прост, как это может показаться тем, кто ратует за возможность полной замены публикации документа шрифтовым наборным способом факсимильным изданием. Мы не уверены, что такая замена возможна, хотя и убеждены, что идеальным способом публикации памятников письменности является сочетание шрифтового наборного и факсимильного способов. Если и далее говорить об иллюстрациях, то информативность издания увеличилась бы, если бы в состав легенды был включён раздел „Репродукции“ (изображения некоторых из документов, вошедших в сборник, ранее публиковались).

Разрывать слова номером примечаний нежелательно. Этот номер лучше ставить в конце слова.

В раздел об упоминаниях № 1 обязательно следовало бы включить ещё два издания: J. Tęgowski, „Dokumenty Koriatowiczów władców Podola w XIV wieku.

Tendencje kulturowe Podola za Koriatowiczów“, *Tekst źródła. Krytyka. Interpretacja*, pod red. B. Trelińskiej, Warszawa, 2005, s. 227–237; J. Kurtyka, *Podole w czasach Jagiellońskich: studia i materiały*, oprac. M. Wilamowski, przedm. opatrz. P. Kurtyka, Kraków, 2011, s. 340–341 i in.

Слово „псан“ в дате документов (№ 2, 3, 5, 7, 8, 9, 10 и др.) передано как „п(и)сан“. Привнесение буквы „и“ в строку и заключение её в круглые скобки должно обозначать, что переписчик сознательно сократил это слово, используя при этом приём контракции. В действительности сокращение тут отсутствует. До второй половины XVI в. при помощи контракции сокращались только слова, обозначающие религиозные понятия (если не учитывать редкие и не регулярные исключения „п(е)н(е)зи“ и „гр(о)ши“, встречающиеся в первой половине XVI в.). А сама форма слова, как мы считаем, восходит к старой традиции, известной ещё в XII–XIII вв., когда вместо букв „пс“ в этом слове чаще всего ставилась „пси“⁶ (мы раньше ошибочно тоже находили в написании „псан“ сокращение).

Вот ещё несколько замечаний. Документ № 3 датируется не 13, а 16 декабря. Сокращение, следующее после *Albertus G* в № 16; после *Sigismundus Augustus Rex* в № 21, 25–29; после *Bona Regina* в № 22, раскрывается как *subscripsit* (а не *kanclerz*, как в № 16, и не *scripsit*, как в № 21, 22, 25–29). Требуется уточнения дата смерти князя Александра Владимировича (с. 25). Это не 1454 г., а 1455 г.⁷

Было бы важно подробно отметить, кто из публикаторов готовил те или иные документы, комментарии и выполнял более или менее ответственные виды работ, а не „размывать“ эту работу между всеми ими.

Все эти замечания, безусловно, не обесценивают рассматриваемое издание. Составители и публикаторы сборника „*Для лепное твердости...*“ провели большую, трудоёмкую и кропотливую работу. Их главная заслуга заключается в полноте и точности представления опубликованных документов. Они подняли высокую планку для других публикаторов-археографов. Результаты указанной работы, безусловно, сделают рассматриваемый сборник одним из самых

⁶ См., например: С. А. Высоцкий, *Древнерусские надписи Софии Киевской*, вып. 1: XI–XIV вв., Киев, 1966, с. 56, 58, 99; С. А. Высоцкий, *Средневековые надписи Софии Киевской XI–XVII вв.*, Киев, 1976, с. 38, 40–42, 80.

⁷ См. литературу: С. В. Полехов, „Литовская Русь в XV веке: единая или разделённая? (На материале конфликтов между русскими землями Великого княжества Литовского и государственным центром)“, *Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства*, Москва, 2017, с. 85, прим. 71. На факты, отмеченные в данном абзаце, указал С. В. Полехов.

долговечных, явятся стимулом и уже являются им⁸ в изучении документального наследия ВКЛ.

В завершении выразим удовлетворение тем, что составители и публикаторы рассматриваемого издания реализовали в нём археографические принципы, которые на протяжении 20 лет мы пытаемся отстаивать и на словах, и на деле.

Александр Груша

Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа
Национальной академии наук Беларуси

⁸ Данное издание позволило нам обратить внимание на неординарную личность князя Фёдора Ивановича Ярославича, см. А. И. Груша, „Князь Фёдор Иванович Ярославич. Правитель, писавший документы своей рукой“, *Белорусское Полесье как историко-культурный феномен. Материалы Международного научного семинара (Пинск, 29 мая 2019 г.)*, сост. Л. А. Авгуль, Д. Н. Бакун, Минск–Москва, 2019, с. 37–48; А. И. Груша, „Кого и за что князь Федор Иванович Ярославич одарил деревянным образком с сюжетом „Премудрость созда себе храм“?“, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, № 2, 2021, с. 52–67.